

EUCSAM

EU-CENTRAL ASIA MONITORING

Перед лицом сепаратизма: Европейский Союз, Средняя Азия и уйгурский вопрос Себастьян Пейруз

Брифинг

Введение

В 2008 году такие события, как движение за предоставление независимости Косово, российско-грузинская война и возобновление внутренних конфликтов в Синьцзяне и Тибете вновь сделали сепаратизм ключевым на повестке дня международной политики. В каждом из трех случаев опять возникала проблема неоднозначности трактовки вопроса о нерушимости границ и права народов на самоопределение, характерного для истории Европы в первой половине 20 века и вновь ставшего актуальным с распадом коммунистических государств (Советского Союза, Чехословакии и Югославии).

Возврат к вопросу о праве на сепарацию и поддержка, оказанная влиятельными государствами определенным регионам, стремящимся к независимости, представляют собой новый значительный вызов системе международных отношений, который может получить особый резонанс в Евразии.

После получения независимости все пост-советские государства были едины в стремлении противостоять требованиям сепаратистов, но ситуация неожиданно изменилась после того, как российская Дума признала независимость Южной Осетии и Абхазии. В Средней Азии, где построение государственности по-прежнему идет непросто в связи с многочисленными внутренними проблемами (мульти-этнические сообщества, существенные различия в уровне развития регионов, стремительное обнищание населения), вопрос сепаратизма относится к числу ключевых. В этой связи возрождение проблемы уйгурского сепаратизма в Западном Китае – а летом 2008, после событий в Грузии, в Западном Китае отмечались многочисленные беспорядки и восстания, в которых предположительно участвовали уйгурские боевики – вызвало всеобщую озабоченность.

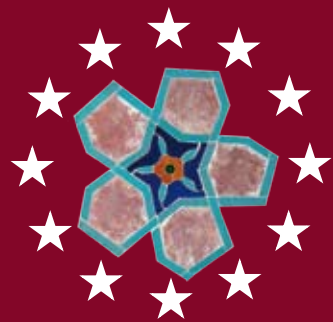
В своей работе я кратко опишу сложности, которые проблемы Косово и Грузии представляют для стратегии ЕС, а затем продолжу

Об авторе: Себастьян Пейруз

Себастьян Пейруз – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа (Школа углубленных международных исследований при университете Джонса Хопкинса) в Вашингтоне и научный сотрудник парижского Института международных и стратегических отношений (IRIS). В 2008 году он являлся главным исследователем в проекте «Ответ на российско-китайскую конкуренцию в Центральной Азии: местные перспективы и стратегии»,

который ведется при финансовой поддержке Фонда Смита Ричардсона. Пейруз получил докторскую степень в Национальном институте восточных языков и культур в Париже. Он был докторантом французского института среднеазиатских исследований в Ташкенте (1998-2000) и вел там научную работу после защиты диссертации (2002-2005), состоял научным сотрудником в Славянском исследовательском центре Университета Хоккайдо в Саппоро (2006), а так же

научным сотрудником в международном научном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне (2006-2007). В своих исследованиях он уделяет особое внимание влиянию российского/советского наследия на пять республик Центральной Азии. Основные сферы его научных интересов – политические режимы Центральной Азии, исламизм, религиозные меньшинства, геополитика, и другие.

FRIDE

FUNDACIÓN
PARA LAS RELACIONES INTERNACIONALES
Y EL DIALOGO EXTERIOR

анализ значительного влияния этих двух событий на постсоветское пространство в целом и на Центральную Азию в частности под углом зрения уйгурского вопроса.

1. Косово и Грузия: вызов стратегиям Евросоюза?

Хотя признание многими странами международного сообщества суверенитета Косово, объявленного 17 февраля 2008, было названо из ряда вон выходящим случаем (*sui generis*), который не может создавать международного прецедента для прочих сепаратистских движений, – этот факт, судя по всему, открыл ящик Пандоры для сепаратистских требований. Нужно добавить, что хотя Косово остается фактически под опекой международного сообщества, Евросоюзу будет непросто регулировать это независимое государство. Пример Боснии-Герцеговины не внушает оптимизма в этом смысле. В последнем случае, по сути дела попытки поддержать независимость часто приводили к обратному эффекту, в том числе подпитывали безответственность местных политических элит, противодействующих формированию демократической системы.

На этом фоне движение за признание Косово как независимого государства должно было повлечь за собой серьезные последствия для всех территорий постсоветского пространства. Когда правительства Абхазии и Южной Осетии, выступавшие за отделение, объявили 26 августа 2008 года о своей независимости, они открыто ссылались на прецедент Косово, постоянно указывая на «геноцид» своего населения со стороны грузинских властей. Цель подобных параллелей заключается в том, чтобы предложить логику, позволившую признать Косово, в качестве обоснования своих претензий на независимость как легитимных. И хотя сегодня Россия, похоже, не хочет принять эти две республики в состав своей федерации, в результате конфликта создается ситуация, напоминающая положение на Кипре: регионы, чью независимость сегодня признает, пожалуй, только Москва, рискуют быть фактически управляемыми из Москвы, пока международная геополитическая обстановка не позволит найти устойчивую форму разрешения ситуации. Сперва Европе удалось быть услышанной, когда Николя Саркози, который в то время на основании принципа ротации президентствовал в ЕС, помог двум сторонам договориться о прекращении огня. Но провал встречи на высшем уровне 15 октября 2008 года (российская и грузинская стороны отказались сесть за стол переговоров) в Женеве показал, что ситуация в зоне конфликта чревата новыми осложнениями. Европа опять оказалась заложницей ситуации, так как в связи с отказом России допустить представителей ОБСЕ в районы Абхазии и Южной Осетии, эта организация не могла больше иметь там своих наблюдателей. В результате, миссии наблюдателей ЕС и ОБСЕ невольно выступают в роли пограничников с российской стороны, тем самым де факто поддерживая стремление этих регионов к независимости.

Прежде всего, необходимо вспомнить, насколько сложны сепаратистские конфликты. В основе этой сложности – комбинация исторических факторов (осетины, например, были союзниками России против Грузии в кавказских войнах 19-ого века) и современных усилий, направленных на использование этнической идентичности в политических целях (для политизации этнических проблем и этнитизации проблем политических).

Геополитическое соперничество между США и Россией в глобальном масштабе также влияет на события на постсоветском пространстве. Признание ЕС независимости Косово сделало позицию Брюсселя по вопросам права на самоопределение туманной для соседних стран и всего мирового сообщества.

Означает ли принятый сегодня дискурс мультиэтничности то, что каждый гражданин должен научиться уживаться с соседями или то, что любой этнос имеет право требовать юридического признания своих особенностей на международном уровне? Можно надеяться на появления мультиэтнического высоко децентрализованного Косово, которое обеспечит соблюдение важных прав всех наций и конфессий, живущих на его территории, если два последних десятилетия истории Балкан говорят о том, что существует мощная тенденция к разделению по национальному признаку?

На сегодня балканская политика ЕС не смогла преодолеть это фундаментальное противоречие: с одной стороны ЕС с ликованием утвердил, что национальные идентичности поблекли, с другой – поддержал раскол государства во имя одной нации. По последнему вопросу позиции членов Европейского Союза разошлись, так как некоторые его члены, в том числе, Испания, Кипр, Греция, Словакия и Румыния, которые сталкиваются с разного рода угрозами сепаратизма, отказались устанавливать дипломатические отношения с Приштиной.

В случае с Грузией Брюсселю было непросто определить стиль своих обязательств по отношению к этой стране, в частности, определиться по вопросу о ее членстве в НАТО. Согласен ли ЕС с теми в США, кто призывает вступить в конфронтацию с Москвой через промежуточное государство, или он поддерживает идею о том, что необходимо сохранять нейтральную зону, разделяющую две «великие» державы на евро-евразийском пространстве? Считает ли ЕС, что дальнейшее благополучие грузинских граждан требует радикального разрыва с Россией, или что лучше прийти к решению проблемы через переговоры для поиска путей для двух сторон жить бок о бок? По этому вопросу Европа также не смогла выступить единым фронтом в переговорах с Россией. Вопрос об отношениях с Москвой четко показывает различие интересов стран-членов ЕС: одна группа представлена там новыми членами и бывшими советскими сателлитами, которые критикуют Россию с более радикальных позиций, (которые разделяются также Соединенным Королевством и скандинавскими странами, хотя и по другим причинам) а другая – основателями Евросоюза, в частности,

Германией, Францией, Италией и Испанией, которые не хотят следовать логике конфронтации с Кремлем.

2. Существует ли угроза эффекта домино в отношении сепаратизма на постсоветском пространстве?

После объявления независимости Косова три страны Балтии едва сдерживали ликование по поводу сокрушительного поражения пророссийской Сербии.¹ Их не смущало даже то, что в ответ Москва может оживить призрак раскола, то есть поставит вопрос о выходе из состава Латвии и Эстонии этнических русских, которые составляют там около сорока и двадцати пяти процентов населения этих стран соответственно. Страны СНГ почти единогласно выступили против независимости Косово: пока только президент Армении Серж Саркисян посчитал это хорошим прецедентом, так как эта ситуация может способствовать получению независимости Нагорным Карабахом, анклавом в Азербайджане, на который претендует Армения, перешедшим под контроль Еревана в 1994 году после кровопролитного конфликта.

Кремль не скрывал, что он рассматривает действия, подталкивающие Косово к независимости, как нарушение суверенитета Сербии и Устава ООН. Центральноазиатские государства сохраняли сдержанность, а точнее отмалчивались, поддерживая негативную оценку Кремля поданному вопросу. Молдова, озабоченная возможным отделением Приднестровья, находящегося под влиянием России с 1994 года, осудила войну в Грузии как новый дестабилизирующий фактор в Европе.

Правительства, известные своей прозападной ориентацией, заколебались: Украина отказалась в свое время признать независимость Косово, не желая подвергать опасности своих солдат, которых она направила в международные силы КФОР и миссию военной полиции ООН, а Грузия заявила, что она не готова занять позицию по Косово. Таким образом, даже прозападная логика наиболее лояльных союзников ЕС и США в этом регионе оказалась ослабленной.

Еще большее замешательство возникло в регионе после событий лета 2008 года в Южной Осетии и Абхазии. На саммите глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), который происходил в Душанбе после конфликта в Грузии в конце августа, четыре центральноазиатских государства (Казахстан, Киргизстан, Узбекистан и Таджикистан) поддержали позицию Китая. Они обратили внимание на то, что этого требует Устав ШОС, провозглашающий принцип нерушимости границ. Таким образом, несмотря на то, что центральноазиатские государства официально поддержали вмешательство России и осудили

прогрузинскую позицию Вашингтона, они отказывались следовать примеру России и признать независимость Южной Осетии и Абхазии.

На встрече Организации Договора Коллективной Безопасности в начале сентября страны Центральной Азии не изменили свою позицию. Они выступали с заявлениями в поддержку умиротворяющих действий России и с критикой военной интервенции со стороны Грузии, но когда дело доходило до признания независимости, хранили неловкое молчание. Тем не менее, определенные практические действия все же последовали, подтвердив еще раз, что у правительств центральноазиатских стран возможности маневра в делах с Россией очень ограничены. Так, власти Казахстана объявили, что они отказываются от проектов строительства зернохранилища в порту Потти и нефтеперерабатывающего завода в Батуми - две плохие новости для итак уже ослабленной экономики Грузии². Но даже если центральноазиатские страны продолжают вести многовекторную внешнюю политику, не устраивающую Москву, их независимость от России после грузинского конфликта, кажется, уже ослабла.

Возможность мирного разрешения конфликта вокруг Южной Осетии и Абхазии - забота не только Грузии. Эти конфликты могут также сказаться на ситуации в регионах России, на Украине и в Молдове. Признав независимость двух отколовшихся республик, Москва на самом деле ввязалась в очень рискованную игру, последствия которой еще могут отозваться в регионах Российской Федерации. Прежде всего, это касается Чечни, но также и остальной части Северного Кавказа, в особенности, Дагестана и Ингушетии; кроме того, встает вопрос и о Карелии и Калининграде, пограничных с Европой областях.

Правительство Молдовы сталкивается с новой волной движения за независимость района Приднестровья, возглавляемого Игорем Смирновым, который также требует признания своей независимости. Еще более серьезные последствия кризис в Грузии вызвал на Украине, где опять встал вопрос о российском влиянии и о воздействии русскоязычного меньшинства на политическую стабильность - особенно на Крымском полуострове. Президент Украины Виктор Ющенко обвинил премьер-министра Юлию Тимошенко в заключении пакта с Москвой и в том, что она не осудила решительно интервенцию России в Грузии. Недавнее предложение ассоциированного членства Украине усилило напряжение между Москвой и Киевом, что нашло свое отражение и в возможном возврате к газовой войне (в начале 2009 года тарифы на российский газ вырастут более чем в два раза), и во все более враждебном тоне дискуссий о российском военно-морском флоте в Севастополе, а также по вопросу Крыма.

2 M. Laruelle, "Is Kazakhstan Disengaging From Georgia?," The Central Asia and Caucasus Analyst, October 15, 2008. Ситуация, однако, временная. На самом деле Казахстан уже опять поддерживает южно-кавказский маршрут (см. Н. Кассенова, Казахстан и южно-кавказский коридор после русско-грузинской войны, EUCAM Брифинг [Policy Brief] No. 4, Январь 2009)

1 Talis Saule Archdeacon, "Baltics support Kosovo independence", Baltic Times, February 20, 2008, <<http://www.baltictimes.com/news/articles/19846/>>.

Более того, в конце 2007 года Кремль решил начать играть на нервах по вопросу о сепаратизме. Сюда относится и неожиданная инициатива Москвы основать Институт демократии и сотрудничества, официальной задачей которого будет изучение прав меньшинств в Европе: русских, имеющих немецкие корни, в Германии и Финляндии, сербов в Косово, а также басков и каталонцев в Испании, корсиканцев и бретонцев во Франции, тирольцев в Италии, ирландцев в Британии, иммигрантов в Европе и т.д.³ Политически продиктованное использование темы национальных меньшинств в целях ослабления государства, таким образом, усилилось и сегодня, похоже, становится главным инструментом Москвы в идеологической критике ЕС.

3. Проблема сепаратизма в Центральной Азии и парадоксальный случай уйгуров

В постсоветской Центральной Азии риск конфликта на почве сепаратизма остается минимальным. После распада Советского Союза существовало только одно значительное движение за автономию – это было движение русских сторонников автономии в Казахстане в начале 1990-х годов, во главе которого стояли политические партии и ассоциации представителей русского этнического меньшинства (которые составляли 38% населения страны на момент получения независимости, а сегодня составляют 30%), такими как Лад и Русская община и группами казаков, которые бывали настроены конфронтационно.⁴

Несколько недолгих и плохо организованных попыток объявить о своей независимости или о воссоединении с Россией были сделаны в городах на севере страны, сначала в Уральске, затем в Усть-Каменогорске в Алтайских горах. Угроза возникновения серьезного движения за отделение сохранялась вплоть до 1995 года, но постепенно исчезла, после того как значительная часть казахстанских русских переехала в Россию (за менее чем 20 лет переехали более двух миллионов человек), оставшаяся часть этнических русских постепенно деполитизировалась. Власти Центральной Азии провели политику, направленную на подрыв движения, в том числе, и с применением насилия против активистов, а Москва не проявила серьезного интереса к движению. Но главным образом деполитизация началась после того, как экономическое положение страны улучшилось, что позволило тем, кто остался, найти для себя новые социальные и экономические ниши и поверить, что для них в Казахстане есть будущее.⁵

3 См. статью, объявляющую о создании этого института, написанную Валерием Тишковым, директором московского Института Этнографии (<http://www.eawarn.ru/bin/view/Main/Newtasks>).

4 M. Laruelle, S. Peyrouse, *Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux Etats dans l'espace post-soviétique*, Paris: Maisonneuve & Larose/IFEAC, 2004.

5 M. Fumagalli, "The 'Food-Energy-Water' Nexus in Central Asia: Regional Implications of and the International Response to the Crises in Tajikistan," EUCAM Policy Brief, no. 2, October 2008.

Таджикистан также заслуживает отдельного внимания. В ходе гражданской войны (1992-97) резко обострились региональные конфликты, но ни одна из конфликтующих сторон не объявляла своей целью выход из состава государства. Вопрос о независимости был на непродолжительное время на повестке дня Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), расположенной в Памире (эта территория населена исмаилитами, верными Ага Хану) только в 1993 году, но это было в разгар гражданской войны.

В 1990-ые годы некоторые таджикские политики и интеллектуалы с обостренным националистическим чувством также говорили о желании «вернуть» исторические регионы Бухары и Самарканда, где население говорит по-таджикски, которые были переданы Узбекистану в 1920-ые годы, когда устанавливались границы. Но эти пожелание никогда не высказывались официально как требование таджикского государства.

И, наконец, в начале 1990-х годов группа видных интеллектуалов Каракалпакии выступили с идеей отделения от Узбекистана и возможного присоединения к Казахстану или России, но эти требования, основанные на национальной самоидентификации не имели шансов на успех и вскоре были сняты с повестки дня. Сегодня все пять государств Центральной Азии являются объединенными государствами - только Узбекистан и Таджикистан имеют автономные регионы, соответственно Каракалпакский и Горно-Бадахшанский, но Ташкент исключил любую реальную автономию Каракалпакии, где население в социальном и экономическом плане полностью маргинализировано, а памирские элиты выступают за местную автономию, а не за сецессию.

В регионе могут возникнуть еще два типа конфликтов. Межгосударственные конфликты могут возникнуть, например, по поводу трансграничного использования воды⁶ или из-за разногласий по вопросам границ между Казахстаном и Узбекистаном или между Кыргызстаном и Таджикистаном в Ферганской долине. Кроме того, конфликты могут возникнуть в связи с маргинализацией национальных меньшинств (значительное узбекское меньшинство в четырех других соседних республиках, большие группы таджикского и казахского населения в Узбекистане и т.д.), которых в этих странах часто ущемляют, но которые, за исключением узбеков в Кыргызстане, в массе своей политически не организованы.

Но если власти Центральной Азии и волнует возможный эффект домино от независимости Косово и Южной Осетии/Абхазии и его распространение на Центральную Азию, то только потому, что эти события могут снова сделать актуальным уйгурский вопрос и потому, что события в Южной Осетии/Абхазии бросают тень на Москву. В последние годы политика Кремля, направленная

6 S. Peyrouse, "The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics, and Language," Kennan Occasional Papers, Washington D.C.: Kennan Institute, no. 297, 2008, 28 p. <<http://www.wilsoncenter.org/topics/pubs/OP297.pdf>>

на помощь соотечественникам за рубежом⁷, неожиданно начала вызывать сомнения в отношении его намерений, а именно, может ли Кремль использовать так называемую «русскую диаспору» в ближнем зарубежье для оказания давления на непокорные государства. Однако Россия с готовностью использует «русский вопрос» как средство давления, когда отношения со странами плохие (Украина, Балтийские страны, Молдова и Грузия), но мало интересуется судьбой русского населения в тех странах, с которыми отношения хорошие, включая Центральную Азию. Сегодня этот вопрос мало волнует государства Центральной Азии, и даже Казахстан, потому что маловероятно, что Кремль сочтет идеологические задачи (например, защиту своей диаспоры) более важными, чем геополитические и экономические интересы в Центральной Азии.

На самом деле, единственное, что по-прежнему заботит правительства центральноазиатских стран, это уйгурский вопрос. Пекин сумел одержать ряд дипломатических побед и добился того, чтобы во время российско-грузинского конфликта эти правительства подтвердили верность принципу нерушимости границ. Однако далеко не все в регионе поддерживают подход Китая к решению уйгурской проблемы. Можно сказать, что Китай смог навязать дипломатам центральноазиатских государств свою официальную позицию о «трех силах» (*san gu shili*), с которыми нужно бороться: терроризм, фундаментализм и сепаратизм. На правительства этих стран оказывалось давление, как напрямую, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Например, власти Казахстана и Кыргызстана под давлением Китая были вынуждены закрыть политические ассоциации уйгурской диаспоры в своих странах. В 1995 году между Казахстаном и КНР была подписана Декларация о дружбе, в соответствии с которой обе страны должны были бороться с сепаратизмом и не принимать на своей территории силы, имеющие своей целью подорвать территориальную целостность партнера. Более того, говорят, что спецслужбы Китая проникли на территорию Казахстана с более или менее добровольного согласия властей этой страны, чтобы выследить уйгурских диссидентов и насильственно депортировать их в Китай⁸.

Однако, хотя было бы в принципе не правильно говорить о существовании некой солидарности между народами Центральной Азии и уйгурами, из неофициальных интервью с некоторыми политиками и экспертами из центральноазиатских «мозговых трестов» следует, что отношение к ситуации несколько изменилось. Они не думают, что уйгурам удастся добиться независимости от Китая, так как никогда еще в этом регионе не проживало

такое большое количество китайцев хан, культура, которая находилась под таким китайским влиянием, и никогда район не был в такой степени экономически интегрирован в общий экономический бум в Китае, обусловленный торговлей.

Но многие из них осуждают власти Китая за насильственную маргинализацию, которой власти подвергают уйгуров на земле их предков. Они утверждают, что развитие «Дальнего Запада», результатами которого пользуется китайское население хан, было обеспечено за счет коренного населения: уйгуров насильно заставляют работать в наименее эффективных секторах экономики, и в большинстве своем они не имеют доступа к высшему образованию. Более того, закрытие школ, в которых преподавание ведется на родном языке, воспринимается многими как доказательство того, что Пекина проводит политику насильственной ассимиляции уйгуров в культуру хан.

Большинство экспертов из Центральной Азии также сомневаются, что уйгурский исламизм представляет собой реальную угрозу и критикуют Пекин за репрессии против ислама, считая такую позицию контр-продуктивной. Венера Галимова из Института стратегических исследований в Алматы считает, что отказ китайских властей прислушаться к любым требованиям автономии, даже культурной, только способствует укоренению радикального сепаратизма. Она критикует Пекин за ущемление уйгурской молодежи, проживающей в селах, и за предпочтение, отдаваемое городской студенческой молодежи, что, по ее мнению, толкает первых в ряды исламистов.⁹ Сотрудник того же института Константин Сыроежкин настроен еще критичнее и считает, что политика Китая заставляет уйгуров считать ислам идеологией национального освобождения.¹⁰

Хотя об уйгурской проблеме говорится меньше, чем о тибетской, Пекин считает ее не менее – если не более – серьезной. С 1980-х между уйгурами и китайцами хан постоянно возникают стычки, часты случаи мятежей и партизанских движений. Имели место и кровопролитные столкновения, например, в 1990 г. в Барине (пригород Кашгара) и несколько раз в 1996-97, в частности, в Ининге в северной части Синьцзяна у границы с Казахстаном. С тех пор Пекин ужесточил меры против любой формы автономии и националистических (часто пан-туркистских) движений, особенно среди студенческих групп, которые сделали уйгурское движение более радикальным и более исламизированным.¹¹ Китайские власти убеждены, что проект развития «дальнего Запада» ускорит модернизацию Синьцзяна и смягчит

7 Под «соотечественниками» Кремль понимает одновременно и экспатриантов, то есть российских граждан, живущих за ее границами, так и всех тех, кто так или иначе считает себя частью «русского мира», то есть этнических русских, живущих в ближнем и дальнем зарубежье.

8 Е.В. Савкович, «Уйгурская проблема в рамках ШОС (Казахстан и Китай, 1990-начало 2000-х гг.)», Аналитика, 11 января 2006 (www.analitika.org/article.php?story=20060111220552543).

9 В.Ф. Галимова, «Этнический сепаратизм в Синьцзяне: состояние проблемы и перспективы», Казахстан-спектр, No. 1, 2004, стр. 9-15.

10 К.Л. Сыроежкин, Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии, Алматы: Дайк Пресс, 2003, стр. 299.

11 M. Laruelle, S. Peyrouse, Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux Etats dans l'espace post-soviétique, Paris: Maisonneuve & Larose/IFEAC, 2004.

напряжение, потому что уйгуры поймут перспективы нахождения в Китае. Однако этот проект может и усилить напряженность, так как его реализация сопровождается наплывом китайцев хан, колонистов, так называемых «солдат-крестьян», составляющих строительную и производственную армию (Xinjiang shengchan jianche bingtuan) Синьцзяна. Социально-экономическая стратификация не исчезнет, а наложится на разделение по этническому принципу, и маргинализация уйгуров продолжится.¹²

Хотя объективную информацию о бомбардировках городов Кашгар и Куга в Синьцзяне в начале августа 2008 получить сложно - Пекин обвиняет в этом Восточно-туркестанское исламское движение, а активисты уйгурского движения за независимость отвергают эти обвинения, и можно допустить, что бомбардировки могли спровоцировать сами власти - ситуация остается крайне напряженной. Власти, по сути, ужесточили контроль над религиозной жизнью. Они практически запретили частные паломничества в Мекку (можно ездить только в составе официальных групп, но это очень дорого, группы находятся под контролем, и мест в любом случае не хватает), у уйгуров из Кашгарского региона были отняты паспорта, чтобы ограничить пересечение ими границы, особенно с Пакистаном, ограничили допуск в мечети, введя запрет на посещение для гражданских чиновников, студентов и преподавателей и запретили с этого года ряду лиц, в том числе студентам, отмечать Рамадан.

Как и в случае с Косово, Южной Осетией и Абхазией, для правильного понимания уйгурской проблемы нужно учесть несколько факторов. Как и для сепаратистов Чечни, для уйгуров Ислам стал флагом анти-колониального движения: хотя Восточно-туркестанское исламское движение частично связано с Аль-Каидой, оно представляет только одно из течений уйгурского движения за независимость, а само движение - только малую часть населения. Возможно, с 2000 года Китай и хотел бы объявить - как Москва на Северном Кавказе - свою борьбу с уйгурами частью борьбы с международным терроризмом, но уйгурское движение отнюдь не является религиозным в своей основе.

На самом деле, по сути своей это конфликт на национальной почве сходен с борьбой против колонизации. Кроме того, любая попытка политической либерализации со стороны китайских властей исходно ограничена из-за риска отделения и Синьцзяна, и Тибета, что замыкает порочный круг. Авторитарный режим не может позволить никакой национальной автономии, так как любые демократические подвижки режима чреваты расколом территории. Поэтому страны Центральной Азии по-прежнему озабочены серьезной угрозой дестабилизации региона в связи с уйгурским вопросом: никто не хочет ни появления уйгурского государства, которое будет синонимом «второго Афганистана», ни

сохранения постоянной угрозы взрыва в регионе мира, где Кабул и Исламабад уже на грани дестабилизации.

Рекомендации

В Евразии сепаратизм становится серьезной проблемой, и ЕС может сыграть позитивную роль в ее разрешении - особенно в том, что касается предотвращения конфликтов, управления конфликтами и подготовки устойчивых решений существующих конфликтов. Однако эту проблему нельзя решать по частям, позиция ЕС должна быть логичной, последовательной и ориентированной на достижение цели в тех областях Евразии, где существует угроза территориального раскола, если ЕС хочет играть в регионе серьезную роль.

Экономические действия

Создать экономические стимулы для мира. Нельзя забывать, что за призывами к сецессии стоят силы, экономические интересы которых требуют сохранения политического беспорядка, так как именно он позволяет им богатеть (например, югосетинские боевики). Поэтому необходимо разделить политические вопросы, связанные с идеей сецессии, и экономические интересы местных криминальных групп, которые часто мешают разрешению конфликта. Например, на территориях замороженных конфликтов идет активная контрабанда и наркоторговля. ЕС следует поддерживать экономическое сотрудничество на основе признания национальных границ и отказываться от торговли с компаниями, использующими ситуацию сецессии (принять специальные санкции против ввоза некоторых продуктов на европейские рынки, и т.д.).

Многосторонние политические и дипломатические действия

Внимательно следить за ситуацией в Молдове и на Украине. Эти две страны следует рассматривать как ключевые для отношений ЕС-Россия. ЕС должен разработать более эффективный механизм для мониторинга политического развития этих стран и провести совместные мероприятия (круглые столы и семинары) с участием их интеллектуальной и политической элиты, чтобы обеспечить широкую поддержку статуса кво государственных границ и не допустить поспешного выступления какой-то из сторон в поддержку раскола.

Обратить больше внимания на вопросы исторической памяти (особенно в связи с Второй мировой войной) чтобы избежать политизации этой темы в отношениях с Россией. По этому вопросу позиции «западных» членов ЕС отличаются от позиций стран, входивших в коммунистический блок, особенно Польши и стран Балтии. ЕС будет не просто единогласно выступать по внешнеполитическим вопросам единогласно в отсутствие общей стратегии, разработка которой невозможна, пока не будут сняты эмоциональные

¹² G. Bovingdon, "Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent," East-West Center Policy Papers, no. 11, Washington: East-West Center, 2004.

проблемы, которые по-прежнему влияют на отношения бывших коммунистических стран с Москвой.

Выступить с инициативой совместной встречи-диалога ЕС-ШОС по вопросам сепаратизма. Это будет способствовать лучшему взаимопониманию между странами по этому сложному вопросу и смягчит антисепаратистскую и антитеррористическую позицию ШОС. Диалог должен быть структурирован так, чтобы вызвать дискуссию о лучших способах решения проблемы сепаратизма в контексте диалога, переговоров и принятия во внимание устремлений всех сторон.

Двусторонние дипломатические действия

Привлечь Россию к участию в постоянном диалоге на тему сепаратизма. Дипломатическая изоляция России по вопросам Южной Осетии и Абхазии сама по себе не должна рассматриваться как победа, так как такой подход может привести к радикальным решениям по вопросам Приднестровья или Крыма, которые, по сути, осложняют дальнейший диалог с ЕС. ЕС следует пытаться установить с Москвой конструктивный диалог и избегать политизации вопроса о меньшинствах или сделать его инструментом в дипломатических отношениях. ЕС не следует забывать, что и Россию волнуют возможные последствия этой проблемы для ее территориальной целостности.

Способствовать проведению регулярных консультаций (в ходе двустороннего диалога по правам человека ЕС-Центральная Азия и на двусторонних встречах на высшем уровне) с каждой из стран Центральной Азии по вопросам о месте национальных меньшинств. Центральназиатские страны нуждаются в политических, социальных и экономических моделях, которые позволяли бы балансировать интересы государственного строительства с защитой и развитием сообществ этнических меньшинств. ЕС должен стремиться усилить роль Верховного комиссара по национальным меньшинствам ОБСЕ в регионе в интересах мирной этнической интеграции и финансировать проекты, делающие особый упор на проблему интеграции национальных меньшинств.

Укрепить позиции ЕС в двустороннем диалоге с Китаем по вопросам прав человека и другим вопросам. ЕС должен четче определить свою позицию по уйгурскому вопросу, который не является частью стратегии ЕС в Центральной Азии. Возможно, следует поддержать законные требования культурной автономии, не ведущие к политическому расколу. Можно найти партнеров на местах, которые выражали бы общественное мнение, и тем самым опровергнуть утверждения властей, что любое упоминание об уйгурской идентичности непременно ассоциируется с исламом. Можно предложить стратегию с учетом позиции политической власти Китая,

которая способствовала бы ее вовлечению в переговоры. Позитивные подвижки в странах Центральной Азии по этому вопросу оказали бы давление на Китай и показали бы, что существует альтернатива насильственной ассимиляции.

Публикации автора по данной и смежным темам:

- Sebastien Peyrouse, *Des chrétiens entre athéisme et islam. Regards sur la question religieuse en Asie centrale soviétique et post-soviétique*, Paris, Maisonneuve & Larose, 2003.
- Sebastien Peyrouse and Marlene Laruelle, *Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux Etats dans l'espace post-soviétique*, Paris: Maisonneuve & Larose, 2004.
- Sebastien Peyrouse and Marlène Laruelle, eds., *Islam et politique en ex-urss (Russie d'Europe et Asie centrale)*, Paris, L'Harmattan, 2005.
- Sebastien Peyrouse, ed., *Gestion de l'indépendance et legs soviétique en Asie centrale. Les Cahiers d'Asie centrale*, (no. 13-14), Edisud, 2004.
- Sebastien Peyrouse and Marlène Laruelle, *Asie centrale, la dérive autoritaire. Cinq républiques entre héritage soviétique, dictature et islam*, Paris, Autrement - CERI, 2006.
- Sebastien Peyrouse, *Turkménistan. Un destin au carrefour des empires*, Paris, Belin, 2007.
- Pierre Chuvin, Rene Letolle, Sebastian Peyrouse, *Histoire de l'Asie centrale contemporaine*, Paris, Fayard, 2008.

О EUCAM

Фонд содействия развитию международных отношений и внешнеполитическому диалогу (FRIDE), Испания, в сотрудничестве с Центром европейских политических исследований (CEPS), Бельгия, запустили совместный проект под названием «Мониторинг ЕС – Центральная Азия» (EUCAM). Эта инициатива (EUCAM) представляет собой рассчитанный на полтора года исследовательский и информационный проект, поддержанный несколькими государствами-членами ЕС и организациями гражданского общества, целью которого является:

- усилить значение Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии;
- обогатить дебаты об отношениях ЕС и Центральной Азии и о роли Стратегии в этих отношениях;
- увеличить прозрачность и обратную связь посредством предоставления высококачественной информации и анализа;
- развивать взаимопонимание путем углубления знаний европейского и центральноазиатского обществ о политике ЕС в этом регионе; и
- развить «критический» потенциал в странах ЕС и Центральной Азии через создание сети, связывающей сообщества, которые затрагивает проблема роли ЕС в Центральной Азии

Для того, чтобы найти баланс между сформулированными в общем виде политическими амбициями Стратегии и более узкими практическими приоритетами институтов ЕС и программами помощи государств-членов ЕС, EUCAM выделил четыре приоритетные области:

- демократия и права человека
- безопасность и стабильность
- энергетика и природные ресурсы
- образование и общественные отношения

EUCAM представляет следующие серии публикаций:

- Раз в два месяца выпускается информационный бюллетень об отношениях ЕС и Центральной Азии; он будет широко рассылаться по электронной почте по сетям CEPS и FRIDE. Информационный бюллетень содержит последние документы, касающиеся отношений ЕС и Центральной Азии, самую свежую информацию относительно продвижения ЕС в осуществлении Стратегии и о развитии ситуации в центральноазиатских странах.

- Брифинги составляются членами Рабочей группы, а также привлеченными внешними экспертами. В большинстве работ рассматриваются проблемы, связанные с четырьмя указанными выше основными темами, остальные же посвящены вопросам, возникающим вне рамок этих тем.

- Комментарии, посвященные развитию партнерства между ЕС и центральноазиатскими государствами, отражают взгляд на конкретные события в отношениях ЕС – Центральная Азия.

- Заключительный отчет мониторинга Экспертной рабочей группы EUCAM будет сделан со-председателями проекта.

Данная инициатива мониторинга осуществляется Экспертной Рабочей Группой, созданной FRIDE и CEPS. Группа состоит из экспертов из государств Центральной Азии и стран-членов ЕС. В дополнение к встречам экспертов будет организовано несколько открытых семинаров для широкой аудитории с участием представителей ЕС, представителей исполнительной и законодательной власти отдельных государств, представителей местного гражданского общества, СМИ и других заинтересованных сторон.

EUCAM финансируется Институтом «Открытое Общество» (OSI) и Министерством иностранных дел Нидерландов. Проект также поддержан Министерством иностранных дел Чешской республики, Министерством иностранных дел и сотрудничества Испании и Министерством иностранных дел и по делам Содружества Великобритании.

О FRIDE

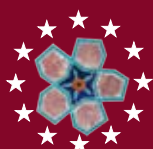
FRIDE – это «мозговой трест» со штаб-квартирой в Мадриде, цель которого обеспечить оригинальные и инновационные исследования о роли Европы на международной арене. Он стремится выйти на новый уровень в сфере своих основных исследовательских интересов – мир и безопасность, права человека, продвижение демократии и развития, оказание гуманитарной помощи - и спровоцировать обсуждение этих вопросов в правительственных и неправительственных учреждениях на основании самого тщательного анализа, основанного на ценностях справедливости, равенства и демократии.

FRIDE как видный европейский «мозговой трест», имеет такие преимущества как политическая независимость, разнообразие взглядов и высокий интеллектуальный уровень сотрудников из разных стран. С момента учреждения в 1999 году FRIDE организовывал различные проекты или участвовал в их организации и развитии. Эта работа не только укрепляла приверженность FRIDE к дискуссиям и анализу, но также способствовала прогрессивной деятельности и прогрессивному мышлению.

О CEPS

Центр Европейских политических исследований (CEPS) был основан в Брюсселе в 1983 году и является одним из самых опытных и авторитетных «мозговых трестов», работающих сегодня в Европейском Союзе. CEPS играет роль основной дискуссионной площадки по всем вопросам, связанным с деятельностью ЕС, его главной отличительной чертой является собственный мощный исследовательский потенциал, дополненный широкой сетью партнерских институтов по всему миру.

Задача CEPS - проводить политические исследования, соответствующие последним достижениям современной науки и проводить политические исследования, дающие ответы на вызовы, с которыми сталкивается Европа сегодня, соответствовать высоким стандартам академического мастерства и сохранять безоговорочную независимость. CEPS также предоставляет дискуссионную площадку всем заинтересованным сторонам европейского политического процесса и создает сети сотрудничества исследователей, политических деятелей и представителей бизнеса по всей Европе.

EUCAM
EU-CENTRAL ASIA MONITORING

www.eucentralasia.eu

FRIDE
FUNDACIÓN
PARA LAS RELACIONES INTERNACIONALES
Y EL DESARROLLO

www.fride.org

www.ceps.eu